

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется
фарфор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется фарфор

<https://litres.ru/74597617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он обещал убить её, если она не будет его.

Он обещал спасти её, если она его не полюбит.

Эйлин бежит от опасного бывшего и оказывается в особняке Дэмиена Уолша - загадочного мужчины в белой фарфоровой маске.

Он предлагает ей сделку: два месяца под его защитой - и новая жизнь.

Всего три правила:

никаких поцелуев.

никакой близости.

никакой любви.

Все очень просто? Или?

Эйлин чувствует: он хранит страшную тайну.

Она боится его.

Что если под маской монстр?

Не доверяет ему.

Но с каждым днем предательски желает его все сильнее и сильнее.

С каждым днём расстояние между ними становится невыносимее.

С каждым днём желание становится сильнее страха.

Она все отчаяннее хочет сорвать с него маску - даже если уничтожит все.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется фарфор

Глава 1

- Да твою ж мать... - я тихо всхлипнула и разрыдалась, измученно глядя в никуда, больно кусая дрожащие губы. Мокрые пальцы тряслись от холода, безысходности и тихой, почти угасшей ярости.

Я чувствовала под подушечками пальцев старый потрёпанный руль «Фиата», чувствовала кожей этот пронизывающий холод в салоне, предательский пар изо рта, уносящий жалкие остатки тепла из моего тела. За окном - мрак апрельского позднего вечера и такая щемящая несправедливость, что казалось: если я начну кричать, мой голос расколется небо надвое, и полившийся дождь превратится в кровь.

Я могла быть сейчас в каком-нибудь пабе недалеко от Ливерпуля, пить эль, веселиться, смеяться над тем, как Рокси старательно хохочет над пошлыми шутками Уаегта в надежде, что он, наконец, оценив её натуженные старания, переспит с ней из благодарности. Ну или хотя бы из жалости. Наблюдать, как Уаегту всё это совершенно неинтересно, пото-

му что его единственное увлечение - выпивка и плейстейшн, купленный с рук два года назад.

Но где я сейчас?

Я сидела в заглохшем «Фиате» посреди вересковой пустоши, напоминавшей декорации к экранизации «Грозового перевала». Вокруг была непроглядная тьма, и лишь маленький пыльный фонарик, найденный в бардачке, тусклым светом едва освещал поживший салон машины.

- Это что, вообще за дыра?! Куда меня занесло? - я сама не ожидала, что истерически выпалю это вслух со срывающимся отчаянным смехом.

Я достала из кармана джинсов мокрую, помятую сигарету. Носила её уже год, привычка, с тех пор, как родителей не стало. Никогда не курила, но раз в год, когда случалась какая-то

дрянь, затяжка-другая возвращала к реальности. «Отрезвляющая сигаретка на раз» - так бы я и написала в графе опросника, если бы увидела вопрос о моём отношении к курению.

- Как ты вообще докатилась до такой жизни? - затянувшись, я откинулась на спинку кресла и с прищуром спросила себя в лобовое зеркало, зажав сигарету между средним и указательным пальцами.

Моё лицо в отражении покраснело от такого прямого и бесцеремонного вопроса. Серые глаза с размазанной снизу тушью, красный от слёз слегка вздёрнутый нос, распухшие губы, синяк на скуле с кровоточащей ссадиной. Я прикоснулась к ней безымянным пальцем, не разжимая сигареты, и потеряла ноющее место. Лицо скривилось от боли.

- Ну как? Больно? Именно так оно и бывает, - с издёвкой ответило мне отражение.

Так всегда бывает, когда ты связываешься с уродом. С Брэдом.

Так бывает, когда пятничным вечером, после ненавистного рабочего дня в редакции местной газеты, где я писала заметки о происшествиях, мечтая о серьёзной журналистике, и очередного вывода о том, как ты ненавидишь себя и свою гребаную жизнь, ты надираешься до состояния невменяемости с друзьями во второсортной дыре, именуемой баром, на окраине города. Пока они висают то ли в сортире, то ли заказывают новую выпивку, ты знакомишься с сомнительным типом с мощной бицухой, и под градусом тебе кажется, что

он вроде как и ничего, и голос приятный. Секс после тоже приемлемый, и его грязные комплименты тоже. А утром тебе даже кажется, что он нормальный обычный парень, ведь лучше тебе всё равно никогда не попадались.

Как выяснится позже, хуже не попадались тоже.

Потому что Брэд оказывается полным мудаком. Он начинает контролировать твою жизнь всего через две недели знакомства: рассказывать, что тебе можно носить, с кем встречаться, с кем говорить по телефону, что можно есть, что нельзя пить. Что твой коллега Ник провожал тебя слишком долго, слишком долго смотрел в твоё слишком глубокое декольте, и не важно, что ты была в свитере с высоким воротом. А еще ты в ответ улыбалась Нику слишком непристойно и сексуально, хотя он меня бесит и вообще старше меня на двадцать пять лет. Всё это совершенно неважно. Ты будешь всё равно всякий раз неправа по умолчанию.

Но что ещё хуже, он начинает поднимать на тебя руку за всё вышеперечисленное, ставить условия, которые невидимым кольцом сдавят твою шею и отгородят от всего того, что было тебе так дорого. От Рокси, от работы, от мечты написать книгу.

Но хуже всего другое. После того как дешёвому психологу за восемьдесят фунтов в час, к которому ты начинаешь ходить по совету Рокс, всё же удаётся убедить тебя, что нарцисса и абьюзера надо обязательно оставить, и ты, наконец, уходишь... Этот урод начинает тебя преследовать. И преследует

даже после трёх месяцев, как ты его бросила. Ведь ему всё сходит с рук. Он сын судьи. Его отец - судья, сэр Реджинальд Уилфорд, крайне влиятельная фигура, и его семья владеет половиной графства. Бреду всегда всё сходило с рук. Избил парня в клубе - дело замяли. Разбил машину пьяным - вышел сухим из воды. А я... я была ничем. Небогатая девушка без родителей, приехавшая из Дублина за мечтой о журналистике. Никто меня не защитит.

Брэд. Имя звучало в голове как удар током, и я вздрогнула, хватаясь руками за руль так сильно, что костяшки побелели. Он нашёл меня в новой съемной квартире, через четыре дня после того как избил меня, потому что я ушла от него. Через шесть недель избил снова, когда я снимала комнату у миссис Пэксли в Халвуде. А в той дыре под Ливерпулем, где я ночевала в приюте, через 2 месяца. Каждый раз он говорил одно и то же: «Ты моя, Эйлин. Ты никогда не уйдёшь. Я тебя убью, прежде чем позволю кому-то другому тебя иметь».

И вот я здесь. После того как в очередной раз он подкараулил меня возле дома Нэлл - подруги по несчастью из группы поддержки по вторникам, где я пряталась от него. У меня был новый телефон. Я никому не сказала, где я. Никто из моих друзей не знал Нелл. Но он нашёл. Он всегда находит.

Он избил меня на глазах у Нэлл, прямо на улице, возле её дома. А когда я попыталась убежать, он отшвырнул меня в витрину дорого ювелирного магазина напротив. Стекло треснуло, я упала на осколки, а он уже стоял надо мной, под-

нимая кулак. Его остановила охрана ресторана, два огромных парня в чёрных жилетах, которые бросились на него и скручивали его, пока я, истекая кровью из рассечённой щеки, пыталась подняться.

Я успела убежать за угол и подбежала к своему новому старому «Фиату», который купила за наличку у какого-то алкаша. Села в машину, пока его удерживали, он не видел моей новой машины. Или мне показалось? Я ехала сама не понимая куда, в состоянии полной дезориентации, руки дрожали на руле, зрение было смазанным от слёз и крови. И тогда, в порыве шока и безумия, я выбросила телефон в окно, прямо в кусты вдоль шоссе. Потому что он снова меня найдёт. Как он изначально нашёл меня у Нелл, несмотря на все предосторожности. Он найдёт меня снова. Он всегда находит. У него связи. У него деньги. У него бесконечная, неуёмная одержимость, которую он называет любовью.

Но все это абсолютно неважно... Важен вот какой вопрос: когда? Когда он найдёт меня снова? И что он тогда сделает с моей чёртовой жизнью?

Я смотрела в окно. Вокруг была пустота. Просто вересковая пустошь, каменистые холмы, и где-то внизу чёрное, как смоль, море.

Я с силой плюхнулась лбом об руль и засмеялась, переходя на рыдания и обратно в смех. Рейчел, моя третьесортная психолог, сказала бы, что нельзя поддаваться панике. Хорошо, что её тут нет, иначе я бы приложила головой об руль

и эту недалёкую суку, которая разговаривает цитатами из псевдопсихологических книг в вокзальном киоске в разделе «дорожное чтение».

Я подняла голову и начала медленно складывать факты.

В машине не было еды. Бак был пуст, я видела, как лампочка загоралась красным ещё два часа назад, но мне было всё равно. Мне было всё равно, куда ехать, лишь бы прочь. И теперь я здесь. Посреди ночи. Посреди дождя. Посреди западного побережья Англии, я видела указатель на «Портпатрик» час назад, прежде чем свернула куда-то в глушь, пытаясь потеряться в этих извилистых дорогах между скалами.

Надо бежать! Я не знаю сколько пройдет времени, но он снова найдет меня. Он всегда находит. Всегда. Бежать, куда угодно, и как угодно далеко, но не оставаться тут.

Я взяла свой рюкзак с бутылкой воды, документами и какой-то одеждой, которую я предусмотрительно сложила, понимая свое положение и вероятность сиюминутного побега, и открыла дверь. Апрельский ветер налетел сразу, сорвал с меня остатки тепла, забил дождь под куртку, в волосы, в глаза. Я вышла из машины, поскользнулась на мокром асфальте, ударилась бедром о бампер, но не почувствовала боли. Тело было в том состоянии, когда боль - это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Когда выживание - единственная функция, которая осталась.

- Иди к чёрту, Брэд, - прошептала я в ветер.

Фонарик в руке три раза предупреждающе моргнул и пе-

рестал светить окончательно. Я раздраженно несколько раз ударила им по ладони, пытаюсь реанимировать, но - безрезультатно. Я устало выдохнула, вышвырнув его в черноту, и осталась в непроглядной тьме.

Машина стояла на обочине узкой дороги, которая вилась между холмами, уходя в темноту в обе стороны. Слева - скалы, спускающиеся к морю. Справа - кусты и ничего. Ни огонька, ни звука двигателя, ни признаков жизни. Только дождь, ветер и рев моря, который звучал как предупреждение: «Сюда не лезь. Здесь смерть».

Я пошла, не зная куда, просто шла, потому что сидеть в мёртвой машине было хуже. Потому что если я останусь на месте, он меня найдёт. Он всегда находит. Его машина, чёрный «Рендж Ровер» быстрее моей развалюхи. Он, наверное, уже едет. Уже близко. Уже чувствует меня, как бешеная собака.

Я шла по дороге, топча лужи, чувствуя, как вода просачивается в кроссовки, старые, дырявые, единственную обувь, которая была у меня, пока я жила у Нэлл. Я шла, и зубы стучали так, что казалось, они вот-вот выскочат из челюстей. Я шла, и плакала, тихо, беззвучно, слёзы смешивались с дождём на щеках.

Как так вышло? Как я, Эйлин Бирн, двадцатипятилетняя девчонка из Дублина, которая когда-то мечтала о журналистике и о том, чтобы написать книгу, оказалась здесь? Посреди ночи, посреди дождя, бегущая от маньяка, который когда-то говорил мне, что любит меня? Как я позволила ему

превратить мою жизнь в это? В бегство? В страх? В эту бесконечную, душащую панику, которая не отпускает ни на минуту?

Я не помнила, сколько шла. Время растеклось, как тот дождь под моей курткой. Может быть, час. Может быть, три. Ноги превратились в дерево, в глыбы льда, которые я тащила за собой по инерции. Я шла, пока дорога не свернула, не пошла вниз, к морю, и тогда я увидела это.

Свет.

Тусклый, жёлтый, мерцающий вдали, сквозь дождевую завесу. Я замерла, моргнула, решила, что это галлюцинация, от холода, от голода, от шока. Но нет. Свет был реальным. Он исходил из окон огромного дома, который возвышался на холме передо мной.

Викторианский особняк. Я узнала стиль, бабушка была архитектором, она учила меня различать эпохи, пока ещё была жива, пока ещё была со мной. Четыре этажа, мансарда, крыша с многочисленными скатами, башенки по углам. Камень тёмный, почти чёрный от дождя. Окна высокие, узкие, с арочными завершениями. Дом выглядел так, словно вырос из скалы, словно был частью этого мрачного пейзажа всегда.

Два окна горели

Я пошла быстрее. Не бежала, не могла, ноги не слушались, но пошла быстрее, прицеливаясь в этот свет как тонущий прицеливается в берег. Там был телефон. Там была помощь. Там был кто-то живой, кто мог позвонить в полицию, дать

мне воды, укрыть от этого проклятого дождя.

Я подошла ближе, и тогда увидела забор.

Огромный, чёрный, кованый, с острыми шпильями наверху. Он окружал особняк со всех сторон, уходя в темноту влево и вправо, теряясь в дожде. Ворота массивные, железные, запертые на огромный замок, который блестел в свете фонаря, висящего над проёмом.

Я остановилась у забора, схватившись руками за холодные прутья. Металл был ледяным, режущим ладони, но я держалась, глядя вверх, на дом.

- Эй! - крикнула я, и голос вырвался из груди сипло, хрипло, неузнаваемо. - Помогите! Пожалуйста!

Тишина. Только дождь и ветер.

- Помогите! - закричала я громче, тряся прутьями. - Мне нужна помощь! Пожалуйста!

Ничего. Окна светились, но не было видно движения за ними. Дом стоял, как крепость, как тюрьма, как гробница, неприступный, тихий, полный своих тайн.

Я опустила на колени перед воротами, прижав лоб к холодному металлу. Силы покинули меня окончательно. Я сидела в луже, в дождь, в ночь, и впервые за все эти месяца бегства почувствовала что-то, кроме страха. Пустоту.

Он меня найдёт. Он всегда находит. И в этот раз он убьёт меня. Он обещал, и Брэд всегда держит свои обещания.

Я закрыла глаза и просто ждала.

Раздался электронный писк, тонкий, как нить паутины,

натянутая между миром снов и явью. Я вздрогнула, замирая посреди тропинки, утопающей в сумерках. Звук исходил откуда-то сверху, с высокого чёрного забора, уходящего в невидимую высь, словно стена между миром людей и царством теней.

- Кто вы? И что вы хотите? - откуда-то сверху раздался голос.

Мужской. Спокойный. И почему мне показалось, что красивый? Не громкий, но отчётливый, словно он говорил прямо мне в затылок, хотя источник был где-то над головой, в непроглядной тьме апрельского вечера.

Я остолбенела, пытаюсь найти источник голоса. Но в темноте было совсем ничего не видно. Лишь силуэты крон деревьев, вырезанные на фоне фиолетового неба, и этот монументальный барьер, разделяющий меня от... От чего? От спасения? От опасности? От безумия?

- Я... Я потерялась, - выдохнула я, мой голос был как будто чужим, хриплым, словно принадлежал не мне, а какой-то отчаявшейся девчонке, запершейся внутри моего тела. - Не знаю, где я, и... Что это за место! Я заглохла, где-то к югу отсюда! Вроде бы...

Я истошно кричала и махала руками над головой, чтоб меня было видно. Где-то наверняка есть камера? Микрофон? Чёрт возьми, в XXI веке даже в глуши не остаёшься один на один с ночью. Я вертелась вокруг своей оси, не понимая, куда мне посмотреть. Ладони были мокрыми от пота, рюк-

зак свинцовым грузом на плечах, ноги ватными от усталости, которую я тащила с собой последние пять часов блужданий по лесным тропам.

- Вы одна?

- Да! - крикнула я. Конечно, одна. Иначе бы я здесь не стояла, размахивая руками, как пьяная мельница.

- Зачем вы кричите? - мягко спросил голос. - Я вас прекрасно слышу. И вижу, кстати, тоже.

Пауза. Тишина, наполненная шелестом ночного ветра и стуком моего сердца.

Мне показалось, что обладатель загадочного голоса сказал это с улыбкой.

Я поняла, как у меня краснеют уши, и я начинаю закипать. Ну естественно, богатей! Наверняка у него тут целая куча камер с ночным видением, тепловизоры и прочие игрушки для взрослых мальчиков. А он сидит в своём уютном кресле, попивая что-нибудь элитное, и развлекается, как какая-то чокнутая стоит машет руками возле его забора, словно моль у фонаря.

- А вот я вас не вижу! - мой голос окончательно сорвался, и я сама не ожидала, насколько раздражённо получилось. - Мне кажется, несколько неравное положение у нас получается... Как думаете, а?

Я медленно, раздражённо выдохнула и закрыла глаза, и запрокинула голову. Небо надо мной было расшито первыми звёздами, иголками серебра на бархате апрельской ночи.

Я тяжело дышала, пытаюсь успокоиться, ощущая, как воздух наполняет мои лёгкие прохладой и запахом сирени, невидимой где-то в темноте.

Потом устало опустила голову себе в ладонь, выпустила воздух, сжав пальцами переносицу. Другой рукой потирала горящие следы на плечах от лямок рюкзака, они врезались в кожу, словно красные жгуты наказания за мою глупость.

- Извините, - тихо прошептала я. - Простите меня... Я просто... Устала. Я просто хотела попросить лишь... Не могли бы вы позволить мне...

Раздался какой-то электронный звук, короткий, низкий, похожий на вздох древнего механизма, пробуждающегося ото сна. И дверь открылась, не дав договорить мне.

Ворота медленно разъезжались, абсолютно беззвучно, словно их смазывали маслом тишины каждое утро веками. За ними открылась аллея, уходящая в темноту, вымощенная брусчаткой, которая отражала остатки сумеречного света, словно роса на паутине.

- Благодарю вас, - негромко сказала я, озираясь, но ответа никакого не было.

Я шла по огромной территории, и ночь здесь была другой, густой, почти осязаемой, словно шёлковая вуаль, накинутая на мир. Дождь кончился, ветер стих. Ничего не было видно, только лишь легкие намёки и очертания, играющие в прятки с моим зрением.

Справа от меня был огромный пруд, я поняла это по запа-

ху воды, по тишине, что стояла над ним, по отражению неба в его зеркальной поверхности. Там стояли беседки, ротонды - белые призраки среди тьмы, словно кости забытого дворца. Слева что-то типа оранжереи - стеклянный купол, мерцающий слабым зелёноватым светом, и какие-то высокие зелёные стены, похожие на живую изгородь из кипарисов или туй, уходящие ввысь и теряющиеся в ночи.

Я посмотрела вперёд.

Это был огромный особняк. Викторианский. Сложный, как шахматная задача, с башенками, эркерами и крыльцом, уходящим в темноту. Окна в пол, почти все темные, мёртвые глаза здания, смотрящие в никуда. И только два окна на втором этаже горели тёплым янтарным светом, словно два сознательных зрачка, прищуренных в мою сторону.

В одном из окон я увидела фигуру.

Совершенно не было понятно, кто это. Кто-то высокий, широкоплечий и, судя по всему, стройный силуэт, вырезанный из тьмы и света. Человек припал локтем к стеклу, наблюдая за мной. Во второй руке у него был бокал с чем-то, жидкость мерцала рубиновым отблеском, словно собранное вино из последних лучей заката.

Я пыталась рассмотреть его лицо, но не смогла. Расстояние, стекло, тьма, всё это строило между нами стену, не менее непроницаемую, чем тот забор, за которым я стояла минуту назад.

У меня немного пересохло во рту, приятно-пугающе по-

ползли мурашки по спине, заставляя меня поёжиться. Это был не страх, или не только страх. Это было ощущение игры, в которую меня втянули без правил и объяснения, и я не знала.

Я подошла к огромному центральному входу. Он был тёмным, массивным, с колоннами, уходящими вверх, к невидимому карнизу. Казалось совершенно необитаемым, словно дверь в гробницу.

Вдруг загорелся свет. Один за другим, словно зажигаясь по команде невидимого дирижёра, вспыхнули фонари по обеим сторонам аллеи, подсвечивая мне путь к двери. Специально для меня, как я поняла. Приглашение, от которого нельзя отказаться.

Я толкнула огромную резную холодную ручку тяжёлой двери. Металл был ледяным под пальцами, словно только что вынутый из морозильной камеры.

Дверь в старинный викторианский особняк открылась не сразу, когда я нажала на ручку, за ней что-то тяжело, протяжно вздохнуло, словно дом сам втягивал воздух перед тем, как впустить чужака в свои ночные объятия, и я невольно задержала дыхание, пока дерево поддавалось, петли жалобно скрипели, и передо мной медленно зиял тёмный проём. Переступив порог, я первым делом ощутила тепло, удушающее, застоявшееся, словно годами накопленное и бережно сохраняемое внутри стен, где воздух пропитан запахом старого дерева, воска, пыли и чем-то пряным, едва уловимым, возмож-

но, засохшими цветами или дорогим табаком, когда-то впитавшимся в обивку мебели и полов. Закрыв за собой дверь, я замерла в непривычной тишине, слишком глубокой для такого большого дома, слыша лишь собственное дыхание и слабый шелест ткани, когда сняла рюкзак с плеча, мокрую куртку, пока где-то в глубине особняка что-то едва слышно щёлкнуло, старые трубы или остывающий металл, заставив меня взглянуть в поглощающую темноту коридора.

- Отличное начало, - пробормотала я, и мой голос, словно растворившись в высоком пространстве, не получил ответа, оставив меня один на один с дверным проёмом, обрамлённым тёмным деревом, покрытым потускневшим от времени лаком, с тонкой резьбой по краям - листьями, цветами и причудливыми переплетениями, почти стёртыми веками, и лепниной над дверью, покрытой мелкими трещинами, словно паутиной. Войдя в гостиную, я увидела, как высокий потолок терялся в кромешной тьме, а стены от пола до самого верха были обшиты тёмными деревянными панелями с царапинами и потёртостями, хранящими под ладонью возраст этого места. Свет проникал сюда лишь сквозь высокие окна, почти полностью скрытые тяжёлыми бархатными шторами, оставляя на полу узкие, бледные полосы лунного света, словно остатки рассыпанного серебра, тогда как остальная часть комнаты погружалась в густой, вязкий полумрак, наполненный тишиной, которую нарушал лишь слабый шелест моей одежды и где-то в глубине - тихое, размеренное

тиканье часов.

В центре стены напротив меня стоял диван, тёмно-зелёный, бархатный, массивный, выглядевший почти чёрным, пока на его спинку не падал лунный луч, оживляя ткань до глубокого, густого оттенка старого изумруда, с подлокотниками, украшенными резным деревом, и местами потёртой обивкой, словно за долгие годы здесь сидели десятки людей, оставивших часть своей истории в волокнах бархата. Рядом стоял небольшой круглый столик со старинным глобусом. Подойдя ближе, я обнаружила, что он гораздо старше, чем показалось сначала: потемневшая латунь, потёртое дерево, тонкая металлическая дуга, на которой держался земной шар с нанесёнными вручную контурами материков и выцветшими названиями стран, местами нечитаемыми в полумраке. Проведя пальцем по поверхности, я заставила глобус качнуться и остановиться так, что Англия оказалась прямо передо мной, почему-то мне стало не по себе.

Отступив, я подняла взгляд на противоположную стену, где висела огромная карта в тяжёлой тёмной раме, занимавшая почти всё пространство между двумя книжными шкафами, с пожелтевшей бумагой, пошедшей тонкими складками, на которой были обозначены реки, города, горные хребты, дороги и границы государств, сегодня выглядящих совершенно иначе. От карты пахло пылью и чем-то сухим, горьковатым - запахом старой бумаги.

Под ногами лежал огромный индийский ковёр, чьи глубо-

кие красные и бордовые оттенки почти исчезали в ночной мгле, а золотистые узоры казались выцветшими, с центральным переплетением цветов и листьев, окружённым сложным орнаментом, настолько тонким, что издалека напоминал причудливые письма. Ковёр был явно дорогим, даже я, совершенно не разбирающаяся в подобных вещах, могла это понять, но больше всего меня поразило другое: в лунном свете на нём не было ни единого следа пыли, в комнате, где всё остальное словно медленно умирало от времени, он выглядел так, будто по нему ходили совсем недавно, и на мгновение мне захотелось сделать шаг назад, оглядев свои ботинки, но я уже была внутри, и почему-то казалось, что дом именно этого и ждал. Медленно пройдя дальше, стараясь не смотреть в тёмные углы, где тени собирались особенно густо, я заметила вдоль стен высокие шкафы с книгами, некоторые из которых были настолько старыми, что корешки почти рассыпались, и картины в тяжёлых рамах, на одной из которых я разглядела женщину в чёрном платье, чьё лицо было почти полностью скрыто мраком.

Я стояла посреди этой огромной комнаты, среди старого дерева, выцветшей карты, дорогого ковра и тёмно-зелёного бархата, и впервые подумала о том, что, возможно, не стоило сюда приходить, но было уже поздно.

Глава 2

Я смотрела на входную дверь, она была закрыта. И вдруг услышала собственный голос, вырвавшийся в темноту с ноткой глупой надежды:

- Я вроде бы оставила ее открытой? Или нет?

- А я то думал, что говорить с собой - это только моя привычка, - отозвался из мрака бархатный, лениво-ироничный голос, и я вздрогнула так, словно меня ударило током, метнувшись в сторону звука, но увидев лишь непроглядную черноту между шкафами.

- Кто здесь? - мой вопрос вырвался резко, хрипло, и я сжала кулаки, чувствуя, как ладони мгновенно намокают от пота.

- Доброй ночи, - услышала я, и голос был так близко, так внезапно, что я вздрогнула вновь, ошарашенно озираясь, но вокруг был лишь воздух, тяжёлый и неподвижный, наполненный запахом старого дерева и воска. Никого.

- Как вас зовут? - голос звучал мягко, откуда-то сверху, словно спускался по лестнице, хотя я не слышала шагов.

Я продолжала крутить головой, и это было смешно. Нет, не смешно, это было жутко, почему я никого не вижу? И почему так темно? Мне стало невероятно страшно, холодок пробежал по позвоночнику, и я инстинктивно, быстро, почти судорожно заправила выбившиеся слипшиеся русые

пряди за уши, вытирая пальцами размазавшуюся тушь под глазами. Черт, она засохла, и я наверняка выглядела как клоун после драки, а этот кто-то, поди, стоял сейчас и забавлялся моим нелепым видом из темноты своего проклятого дворца. Эта мысль была крайне досадной, щеки вспыхнули жаром, я чувствовала, как кровь приливает к лицу, смешиваясь с ощущением полного бессилия и ужаса.

- Я... меня зовут Эйлин. Эйлин Бирн, - спокойно сказала я в никуда, озираясь, ища хоть какой-то признак человека, чувствуя себя крайне нелепо, словно актриса, забывшая текст в пустом зале. Я поправила мокрую футболку, оттягивая её край вниз, но мокрая ткань плохо поддавалась, прилипая к коже, обнажая контуры, которые я бы предпочла скрыть. - Я потерялась. Знаете... Ну... Я заглохла. Вернее, моя машина, разумеется, заглохла, а не я, - что ты несёшь? Я была ошарашена тем, как я нервничаю, слова сыпались как горох, бессвязно и глупо. В попытке остановить дрожь в теле, я совершенно мышечно сунула ладони в задние карманы джинсов, плечи и грудь напряглись, словно перед ударом. - К югу отсюда. Примерно в часах...

- Вы ранены? - резко оборвал меня голос, и в нём появилась странная, неуместная забота. - Ваша скула...

- Что? - я опешила, медленно вытащила левую руку из кармана и тронула ссадину под глазом, поморщившись от боли. Ту, что Брэд оставил мне.

- Вы ранены, - констатировал голос спокойно, мягко, аб-

солютно без эмоций, и эта бесстрастность была даже пугающей, чем крик. Голос был чертовски красивым, бархатным, проникновенным, с какой-то вибрацией, что отзывалась где-то в груди. Ему бы аудиокниги озвучивать, мелькнуло в голове, пока я пыталась собраться с мыслями.

- Нет, я... - я попыталась быстро сообразить, что сказать, - Знаете, я... нет! Это не авария. Это один парень, неважно, - я поморщилась, зачем я это сказала? - Не берите в голову, я просто...

- Вас ударил парень? - переспросил голос, и в нём зазвучала тень чего-то твёрдого, металлического.

Я недоумевающе посмотрела на красивую люстру надо мной, пытаюсь понять, что должна сказать, чтобы этот странный разговор стал хоть чуть более продуктивным, но я сильно устала, нервничала, и поняла, что начинаю злиться - не на него, а на всё, на этот день, на Брэда, на свою беспомощность.

- А вы считаете это нормальным? - я сама опешила, как бесцеремонно процедила это в темноту, голос стал резким, как хлест кнута. - Я не вижу вас, это раз! - загнула я демонстративно один палец в воздухе, - вы не представились мне, - это два! И задаёте странные... очень странные вопросы, учитывая, что собеседник ума не приложит, где вы вообще находитесь? Кто вы? И как выглядите? Это три, - я подняла в воздух руку с тремя зажатыми пальцами, и рука эта слегка дрожала.

- Четыре, - послышался из темноты голос, и в нём зазвучала усмешка. - Вы забыли добавить, что я не предложил вам чая. Четыре. И это крайне невежливо с моей стороны. Пять.

Тишина повисла в воздухе, густая и осязаемая, словно она сама по себе была существом, наблюдающим за нами. Но внезапно я услышала скрип, тихий, протяжный, идущий из стороны лестницы, и тут же над ней вспыхнул слабый, едва заметный свет, может быть, бра или скрытая подсветка, выхватывая из темноты силуэт, стоящий на ступенях. Я присмотрелась, и в этом тусклом сиянии увидела большую лестницу, ведущую на второй этаж. На ней стояла фигура, высокая, стройная. Мужчина стоял, скрестив ноги, свободно прислонившись спиной к стене, и я не понимала, как он выглядит, лишь силуэт, вырезанный из тьмы, примерно метр восемьдесят пять, широкоплечий, в чёрной футболке. Красивые руки, даже в такой мгле было видно, что они накачены, мышцы были напряжены на скрещённых на груди руках, кожаные тонкие браслеты, пять штук, я пересчитала, обвивали запястья. Плечи и спина были широкими, он явно не был диванным обитателем и знал, что такое работать в джиге. Узкие бедра, чёрные джинсы плотно сидели.

- Ах... вот, собственно, и вы, - прошептала я, заворожённо смотря на него, - но вас не видно, увы. Вы б хоть свечи зажгли или костёр, не знаю точно, в каком мы веке.

- Я предпочитаю XIX, - отозвался силуэт, и голос стал отчётливее, ближе.

Мужчина поднял руку вверх, в руке его был какой-то пульт, и свет стал усиливаться, медленно, будто рассвет наступал прямо здесь, в гостиной. И тогда я увидела нечто совершенно невообразимое.

Это совершенно точно был молодой мужчина. Лет двадцати восьми-тридцати, примерно. Медные, тёмно-рыжие волосы небрежно свисали вдоль лица, чуть выше плеч, взъерошенные, как будто он только что проснулся или прошёл сквозь ветер. Красивая фигура, очень, всё те же мощные руки, сложенные на груди, веснушки покрывали их от запястий до плеч, красивая россыпь по бледной коже, как будто звёзды на небе, рассыпанные в хаотичном порядке. Я никогда не любила веснушки, но эти были красивые, какие-то первобытные, дикие. Но его лицо... Боже, лицо! На лице была маска. Фарфоровая белая маска с прорезями для глаз, и оттуда на меня смотрели с нескрываемым любопытством голубые, почти синие глаза, яркие, как лёд на озере. Маска заканчивалась под носом, открывая красивые губы, полные, и он улыбался, улыбка была широкой, но в ней чувствовалась хищность, осторожная, сдержанная.

- Виноват. И вынужден извиниться! - с лёгкой улыбкой сказал парень, слегка наклонившись вперёд в дань уважения, сложив руки вместе ладонями в извинительном жесте, - Я Дэмиен Кристофер Уолш. Я хозяин этого... Всего, - указательным пальцем провёл вокруг себя, с лёгкой ухмылкой, - Чувствуйте себя как дома.

Я стояла, не двигаясь. Просто молча и остоленело смотрела на него, ничего не понимая. Абсолютно. Почему парень в маске? Зачем маска? Как мне реагировать?

Я стояла посреди его гостиной и вдруг поняла, что дрожу, и что дрожь эта не от холода. Тепло дома впиталось в кожу, отогрело пальцы, вернуло чувствительность щекам. Дрожь была другой. Она жила где-то под рёбрами, как зверёк, который давно перестал выть и просто сидел там, сжавшись, ожидая следующего удара. За три месяца я научилась различать мужчин по одному их движению. И сейчас, глядя на Дэмиена, стоящего в темноте лестницы, я поняла, что он не двигается вообще. Он стоял и смотрел. И это пугало.

Я нервно сглотнула, рвано выдохнула и тихо выдавила из себя:

- Рада знакомству, мистер Уолш.
- Вы можете называть меня Дэмиен, Эйлин.
- Мне кажется, лучше всё же мисс Бирн, - заморозенно, почти шепотом произнесла я. Чёрт. Какого ты вообще с ним разговариваешь? Парень в маске! Он явно извращенец, беги! Мало тебе Брэда

Он начал медленно спускаться вниз, не спуская с меня глаз и... Остановился внизу, склонив голову набок, медленно изучая меня.

- А я думаю, по имени всё же более приятно, не находите? Эйлин... - он растянул моё имя, медленно, как будто пробовал его на вкус, выдохнул его в воздух, и вышло красиво,

слишком красиво, слишком интимно. Чёрт, его голос был по-змеиному гипнотический. Он вообще человек? Клянусь, я видела, как под маской он улыбался, наблюдая, как я реагирую на своё имя, произнесённое его губами.

Мне резко стало жарко. Я поняла, что жар разливается по телу, поднимаясь от шеи к щекам, и это было чертовски

заметно. Я тряхнула головой, стараясь быть как можно спокойнее и обыденнее, хотя сердце колотилось в горле.

- Дэмиен, хорошо... пусть будет Дэмиен. Мне нужно позвонить. Если вы не против. Я могу? Ну... воспользоваться вашим телефоном?

- Конечно, можете, - он отвечал всё так же, в той же расслабленной позе, не шевелясь, глаза сверлили меня сквозь прорези маски.

- Спасибо, - облегчённо выдохнула я.

- Но у меня телефона, к сожалению, нет.

- Что? - Я оцепенела и просто уставилась на него молча, затаив дыхание, не веря своим ушам.

- Телефона нет. Простите.

- Что... Тут вообще никакого телефона? - почти перешла я на шёпот, понимая, как резко пересохло горло, как комок подступил к груди.

- Нет.

- Зачем тогда вы сказали... Что я могу... позвонить? - я начала запинаться, голос дрожал, срываясь на истерику.

- Простите, - парень слегка рассмеялся, озадаченно потирая рукой шею, - боже, простите. Я и впрямь не знаю, зачем так сказал. Видимо, привычка глупо шутить. Она со мной с детства, - и тут он рассмеялся во весь голос, положив руку на грудь, и у него был красивый глубокий смех, я увидела его улыбку из-под маски, красивые ровные белые зубы, полные губы, изгиб...

Беги, Эли. Это же маньяк. Это абсолютно точно маньяк. Мало было тебе Брэда? Всегда бывает хуже! В твоём случае, абсолютно точно всегда!

Но почему-то мне вдруг тоже стало жутко смешно. Я не пойми где, в роскошном викторианском особняке, на отшибе, где какой-то извращенец в маске, в мрачном доме сообщает мне, что телефона нет, и это было так абсурдно, так нелепо, что что-то сломалось внутри. Я засмеялась, задрала лицо в воздух и запустив пальцы в запутанные волосы на затылке. Как же я, блядь, устала. От этого вечера, от того, как ноет моё тело. От Брэда. От своей жизни. От своего «везения». Ноги дрогнули, и я со смехом рухнула на колени, упав ладонями на индийский ковёр.

Я так истерически смеялась, что мне самой стало страшно, смех переходил в рыдание, конвульсии сотрясали моё тело, и я попыталась зажать себе рот рукой, но только выдохнула сипло, чувствуя, как горячие слёзы хлынули из глаз, текут по щекам, смешиваясь с остатками туши и пота, оставляя мокрые следы на ладонях. Я закрыла лицо руками, плечи сотрясались от рыданий, которые я не могла сдержать, они вырывались из груди с болезненным, хриплым звуком, словно кто-то тянул из меня наружу все эти часы, дни, месяцы тревоги и страха. Сквозь пальцы я чувствовала, как лицо горит, как слизистая носа набухает, как я превращаюсь в нелепое, распухшее, мокрое от слёз существо, и в этот момент я почувствовала его взгляд, тяжёлый, осязаемый, как физическое касание, прикованный ко мне с той силой, что заставляла меня дрожать ещё сильнее. Он стоял и смотрел, как я

разваливаюсь на части перед ним, и в его взгляде не было отвращения, я чувствовала это инстинктивно, было что-то другое, почти исследовательское, внимательное, словно он изучал каждую мою слезу, каждый судорожный вздох.

- Вы плачете так, будто я уже успел вам что-то сделать, - вдруг произнёс он, и в голосе слышалось не издевательство, а лёгкое удивление. - А ведь я даже маску ещё не снимал.

- Заткнитесь, - прохрипела я сквозь слёзы, не поднимая головы.

- С удовольствием. Но тогда вам будет слишком одиноко плакать в тишине. А так хоть есть аудитория.

- Только не это! Вставай, идиотка! Не хватало ещё рыдать перед этим петухом с перверсивными наклонностями, - прошептала я себе, но голос мой был сорван, хриплым, и я продолжала сидеть на коленях, трясаясь, словно лист на ветру.

Я почувствовала, как чьи-то руки легли мне на плечи, мягко, с заботой, тепло проникло сквозь мокрую ткань футболки, и я вдруг поняла, насколько он высокий, огромной тёмной фигурой стоял надо мной. От него исходило что-то опасное и вместе с тем стабильное, как перед грозой.

- Эйлин... мне кажется, у вас какая-то беда, - его голос стал тише, почти шёпотом над моей головой, и я почувствовала, как его пальцы слегка сжали мои плечи, не отпуская, но и не причиняя боли.

- Да неужели! - я истерически засмеялась, отстраняясь, но он не убирал рук, и я чувствовала, как его глаза сверлят ме-

ня сквозь маску, изучая моё заплаканное лицо с таким вниманием, что мне хотелось спрятаться, сбежать, исчезнуть.

- Эйлин, я...

- Я застряла... Не пойми где! Где я, кстати? Что это за место?

- Недалеко от залива Нок, - его голос был спокоен, ровный, как якорь.

- Ооо... Нок. Прекрасно. - я театрально щелкнула пальцами. - Мне стало сильно легче. Я в Нок с извращенцем в маске.

- Я не извращенец, Эйлин, - он улыбнулся, и в голосе появилась грусть, он с интересом наблюдал за мной, не отпуская, крепко сжимая мои плечи. - Извращенцы носят маски из кожи, а не фарфора. Это более практично, но менее эстетично.

- Ой. Простите. Тогда, пожалуй, я позвоню друзьям, чтоб они забрали меня. Вы же разрешили позвонить по вашему несуществующему телефону. Что потом, Дэмиен? Укол в шею? Кляп в рот? Подвал?

- Я не умею делать инъекции в шею, - он улыбнулся и с интересом наблюдал за мной. - И, кстати, боюсь иголок. Детская травма.

- Окей! Можно шарахнуть меня вон тем винтажным креслом по голове и дальше по тому же сценарию. Так лучше? - я с вызовом подняла лицо к нему, хотя глаза были мокрыми от слёз и меня трясло от страха.

- Это кресло стоит тридцать восемь с половиной тысяч... Я долго его ждал на аукционе. Тоже вряд ли. - Ооо. Аукцион! Кстати, тоже были в маске? - прозвучало ехидно, но голос мой дрожал, и хрупкий сарказм был неубедительным.

- В маске. Но дома. Онлайн-аукцион. Я сидел в пижаме и пил бурбон. Очень цивилизованно. Не то, что сейчас, - он взглянул на меня сверху вниз, и я почувствовала, как его взгляд скользит по моим мокрым волосам, по размазанной косметике, по дрожащим рукам. - Сейчас у нас что-то более... органичное. Дикое, даже.

Он замолчал. И в этой паузе я вдруг услышала себя, не его голос, а свой собственный, где-то в самой глубине, где ещё оставалось хоть немного рассудка. Что ты делаешь, Эли? Ты сидишь на коленях в чужом доме, который не можешь найти на карте, в два часа ночи, без телефона, без машины, без денег на такси до ближайшего города от залива Нок, до людей, до света. Ты смеёшься с мужчиной в маске, любезно обсуждаешь с ним, какой способ убийства тебя был бы уместен, и он отвечает тебе так же. Это должно быть страшно.

Я обхватила себя руками за плечи и вдруг поняла простую вещь, от которой стало тошно так сильно, что я почувствовала металлический привкус во рту. Мне некуда идти. Совсем. Он это знал. Он, наверное, знал это ещё тогда, когда голос сверху спросил: «Вы одна?» Он видел меня у забора, мокрую, полуживую, стоящую на коленях перед запертой оградой, и он впустил меня. Не потому что был добрым. Может

быть, потому что ему было скучно. Может быть, потому что фигурка в темноте показалась ему чем-то новым. И тот факт, что я сама вступила в игру, не зная правил и не имея выхода, было страшнее всего остального в этом доме.

И всё же где-то между этими мыслями билась другая, упрямая, почти стыдная. Эта дверь выдержит. В этом доме есть стены. В этом доме есть замки, которые не открываются снаружи по щелчку. Ты можешь запереться. Ты можешь впервые за три месяца провести ночь в комнате, куда не войдут.

Я поняла, что я устала. Господи, как же я устала. Смертельно. До костей, до мозга, до последней клеточки.

- Простите, я... я думаю, мне пора, - прошептала я, тыльной стороной ладони вытирая слёзы и нос, чувствуя, как сопли размазываются по лицу, и мне было стыдно, что он видит это, что он стоит так близко и смотрит сверху вниз на моё разбитое, заплаканное лицо. - Если вы не хотите меня бить, убивать, насиловать. Может, просто попрощаемся, и я пойду? А если собираетесь... То сделайте это быстро. Я слишком устала.

Я сказала это и поняла, что лгу. Мне некуда идти.

Он ответил не сразу. Он отвернулся, прошёл к бюро из красного дерева, медленно открыл ящик слева, порывшись там, озадаченно посмотрел на второй ящик снизу, открыл и его, достал связку ключей. Ключи в его руках звучали тихо и тяжело. Я смотрела на его спину, на то, как двигаются под чёр-

ной футболкой лопатки, и вдруг мне стало очень важно, чтобы он сказал что-то правильное. Что-то, что не было бы обещанием. Обещаниям я больше не верила. Мне нужен был факт. Что-то, что можно было бы взять в руки.

- Это безопасное место, Эйлин. Тут вас никто не тронет - его голос вдруг стал серьёзным, без той лёгкой иронии, что была прежде. - Я понимаю, как это выглядит. Но так уж вышло, что я живу тут один. Иногда ко мне приходит штат сотрудников, которые выполняют разные функции по дому, но не так часто, к счастью для меня. Я не сильно люблю людей, знаете ли... И поэтому вся эта обстановочка выглядит как особняк Графа Дракулы, - он грустно рассмеялся, осматривая комнату вокруг себя. - Я и правда ношу маску, но это очень личное. И слишком давно началось. Я не смогу вам объяснить, зачем. Так нужно. Вот вы носите джинсы Diesel, а я фарфоровую маску. Это проблема?

- Как вы узнали, что джинсы Diesel? - я задумчиво рассматривала его красивые губы, не отрывая взгляда.

- Вас правда только это интересует? - он рассмеялся чуть зазорнее, и в глазах мелькнул огонёк. - Я наблюдательный. И у меня хорошее зрение. Особенно в темноте. - он помедлил, - К черту... Я вижу, что у вас серьезные проблемы, Эйлин. Но... Я правда могу помочь. Давайте так... где же он... - он перебрал несколько ключей, снял красивый медный резной ключ, несколько подумав, протянул его мне. - Вот он. Ключ, держите. Переночуйте в гостевой комнате сверху. Я вас не

трону. Клянусь. Я не насилую женщин. И ничего вам не сделаю. Сейчас очень поздно, вы устали, и это очень заметно, уж простите. Я просто предлагаю вам помощь. У меня есть возможность оказать её вам. Прошу. Эйлин.

Я смотрела на ключ в его руке. Медный, тяжёлый, с тёмной от времени резьбой.

И в тот же момент, пока я смотрела на этот ключ, я услышала это. Сначала я не поняла, что именно я слышу. Просто что-то снаружи, за стенами. Гравий. Какие-то шаги на гравии.

Я замерла. У меня остановилось дыхание, и в ушах стало так тихо, что я отчётливо слышала своё сердце, оно колотилось не в груди, а где-то в горле.

- Эйлин? - Дэмиен смотрел на меня, на моё лицо, и, кажется, понял, что что-то случилось, раньше, чем поняла я сама.

Я не могла пошевелиться.

- Он нашёл. Боже, он нашёл. Он нашёл меня даже здесь. - я слышала как будто со стороны, каким глухим был мой голос.

Я замерла в мертвом оцепенении, внутри всё оборвалось и в то же время застыло, как застывает вода на морозе, вдруг, до дна, до самых глубоких впадин. Я стояла посреди комнаты, прижимая к груди кулаки, и уже знала, чем это закончится. Он найдёт ближайшее окно. Он обязательно найдет. Он никогда не бросал начатого.

Я обернулась к Дэмиену. Он внимательно смотрел на меня, с плохо скрываемым беспокойством.

- Там кто-то есть, - прошептала я. - Снаружи. У дома.

Я увидела, как меняется его лицо, вернее, то, что оставалось от лица: уголок губ под фарфором, взгляд. Он не стал спрашивать, кто, не стал смеяться, не стал успокаивать. Он просто шагнул к окну, быстро, но без суеты, и отодвинул край портьеры. Он несколько секунд всматривался в темноту, затем повернулся ко мне.

- Это Декстер. Мой пес. Засранцу не спится, как обычно, и Артур выпустил его погулять. Уверяю вас, вы в безопасности, Эйлин.

- Артур? Вы живете в этом доме не один?

- Мой управляющий, он живет на заднем дворе, в доме для персонала. В этом доме, кроме меня, крайне редко бывают люди. - его голос был ровным и спокойным.

С моих плеч как будто упал огромный мешок цемента, я глубоко выдохнула весь воздух.

И в этот же миг внутри меня что-то окончательно, бесповоротно решилось, я даже не успела это осознать, это произошло в теле раньше, чем в голове.

Я буду ночевать здесь. Не потому, что мне хочется остаться. И совсем не потому, что я доверяю мужчине в маске, который живёт в пустом викторианском доме в конце мира. А потому, что за этим забором, где-то там, есть кто-то пострашнее. И впервые за всю мою жизнь у меня был выбор

между двумя мужчинами: один, которого я боялась, но не могла его избежать, и другой, которого я боялась, но который стоял между мной и первым, в собственном доме, за собственными замками. Дом, куда обычный ублюдок не сунется на глазах у свидетелей. Небо, которое не видно в этом доме, против мрачного неба пустоши. Здесь - тишина и старые стены. Там - бесконечное ожидание и страх.

- Я согласна остаться здесь на ночь, - сказала я и пристально посмотрела в глаза Дэмиена.

Я сама удивилась, как твёрдо это вышло. И как быстро.

- Договорились, - он был спокоен, но я заметила, как плечи его слегка расслабились. - И, Эйлин... если вы вдруг услышите странные звуки ночью - не волнуйтесь. Это просто дом. Он скрипит. Или это я. Зависит от того, насколько вы везучи.

- Что?

- Шучу. Опять мои кривые шутки. И, Эйлин... - он по-медлил. - Если ночью что-то случится, стучите в мою дверь. Первая секция, первая дверь справа. Я почти не сплю.

Он протянул мне ключ, позвякивающий на медном кольце.

- Хорошо, - я медленно протянула руку ладонью вверх, наблюдая за Дэмиеном. Он вложил мне ключ в руку, слегка коснувшись пальцами моего запястья. Я вздрогнула. Я видела, как он поднял глаза на моё лицо, и взгляд этот был тяжёлым, ощутимым, как прикосновение его пальцев.

- Да, Эйлин... Кое-что еще...

Он вдруг наклонился ближе, так близко, что я разом почувствовала запах его кожи, что-то древесное, тёплое, едва уловимое под запахом старого дома, и его взгляд остановился на моей скуле. Я даже не сразу поняла, что он делает. Он не смотрел мне в глаза, не смотрел на грудь, не оценивал меня всю, как оценивают вещь. Он смотрел на ссадину. На маленькую тёмную ссадину под моим глазом, о которой я сама уже почти забыла.

- Кровь запеклась, - сказал он тихо, и голос вдруг стал совсем другим: без иронии, без игры, просто ровный и внимательный. - И вот тут, у виска.

Я ничего не сказала. Просто молча смотрела на него.

Он выпрямился и отошёл на два шага. Не резко, спокойно. Просто убрал себя от меня подальше.

И тогда он понял. Я это увидела. По тому, как он замолчал, по тому, как напряглись плечи, по тому, что он больше не смотрел мне в глаза, специально, чтобы не давить. Он не стал расспрашивать, он прекрасно понял, что произошло, когда я упомянула какого-то парня.

Я ждала вопроса. Я знала, как это будет звучать, я слышала это от Нелл, от Рокси, от дежурного врача в приёмном покое: «Тебя кто-то бьёт?», «Кто это сделал?», «Ты в опасности?». Все спрашивали одинаково, все смотрели одинаково, с этим тёплым, сочувственным ужасом, от которого хотелось сжаться до размеров собственного пальца и исчезнуть. Я уже

открыла рот, чтобы соврать: что упала, что дверцей шкафа, что неловкая я, вечно синяки, вечно не везёт. Но... Он не спросил.

Он подошёл к столу, налил воды в стакан, поставил его на край и пододвинул ко мне ладонью. Не в руки, просто на стол, чтобы я могла взять сама, если захочу. И только потом заговорил. Голос ровный, без тени любопытства.

- Я не буду спрашивать, - сказал он. - Ни сейчас, ни потом.

Я подняла на него глаза.

- Это ваше, - сказал он коротко. - Не моё. Я вижу только то, что вижу, и мне этого достаточно. Если захотите рассказать - расскажете. Не захотите - не стану вытягивать.

У меня что-то оборвалось в груди. Не от доброты, доброту я видела, и она меня теперь пугала, за ней всегда шёл счёт. А от этих его слов. Он не спросил «кто это сделал». Он оставил это моим. Он не был слепым. Он был деликатным. Я и не знала, что так бывает.

- Спасибо, - сказала я. И поняла, что это самая честная вещь, которую я сказала за вечер. - Правда.

Он коротко кивнул и спокойно спросил:

- Тогда другое. Вы сегодня ели?

- Что? - я опешила. - Зачем вам...

- Потому что я сам с утра ничего не ел, - сказал он, и в голосе прорезалась прежняя, ленивая ирония, только теперь она была не оборонительной, а почти домашней. - А вы пришли ко мне в дом в два часа ночи с лицом человека, кото-

рый давно не ел. У меня на кухне жаркое, правда, оно скорее всего к чертям остыло. Может, хотя бы чай, Эйлин?

И тут я почувствовала, как сильно хочу есть. По-настоящему.

Но сейчас, все пережитое, все это дерьмо, упавшее на меня в этот день, не давало мне никакой возможности спокойно поесть. Не сейчас.

- Спасибо, - сказала я, стараясь не грубо. - Правда, спасибо. Но я не могу... Не хочу есть. - Это была ложь, и мы оба это слышали. - Я просто... Очень устала. Хочу спать. Если можно - только спать.

- Хорошо, - коротко ответил он.

И в этом коротком «хорошо» было всё. Он не стал спорить. Не обиделся. Не начал уговаривать. Я ничего о нём не знала. Но уже знала одно: сегодня здесь мне не будет больно. Хотя бы одна ночь.

Я взяла стакан. Рука дрожала, вода потекла по подбородку, но мне было всё равно. Я сделала три глотка, первые за много часов. Он на меня не смотрел, пока я пила, отвёл глаза к окну. Закончив, я аккуратно поставила стакан обратно, на стол, стекло слегка клацнуло о поверхность.

- Я... Я пойду спать, если вы не позволите, - я медленно повернулась к нему, инстинктивно потянув вниз за футболку, расправляя липкие складки, чувствуя кожей холодную влагу от мокрой ткани, и чувствовала, как его взгляд скользит по мне.

- Спасибо, Дэмиен, - я увидела, как его глаза слегка сузились, и ладони, скрещённые на груди, напряглись, пальцы непроизвольно сжались.

- Спокойной ночи... Эйлин, - он мрачно улыбнулся, и моё имя прозвучало слишком интимно, слишком лично, слишком... принадлежаще. - И, кстати... Вы красиво плачете. Даже с размазанной тушью. Это редкий талант.

Я вздрогнула и, повернувшись, пошла прочь к лестнице. Я спиной чувствовала, как он смотрит на меня. Чёрт, на мне ещё эти джинсы, которые сильно сели после неудачной стирки, я их еле натянула на себя с утра. Думала, отмучаюсь несколько часов и сниму. А теперь я чувствовала, как они впились мне в задницу, обрисовывая каждый изгиб, и я чувствовала его взгляд, осязаемый, как касание рук, горячее и тяжёлое. Какого чёрта? Иди быстрее.

А в голове, поверх всех этих мыслей, крутилась одна, упрямая, детская: мне нельзя тут оставаться. Но я знала, что если выйду за ворота сейчас, то идти будет уже некуда, кроме как обратно, в тот Ад, из которого я сумела сбежать сегодня.

Обратной дороги за эти ворота у меня нет. Я несла в кулаке тяжёлый медный ключ и что это было первое, что мне принадлежало за многие месяцы, не как мечта, а как ощущение. Металл в ладони. Дверь, которую можно запереть.

Я прошла лестницу и увидела три прохода. Куда? Я озадаченно смотрела из стороны в сторону, теряясь в полумраке коридора.

- Правая секция. Прямо по коридору, первая дверь слева, - я обернулась на его голос снизу, он стоял, рассматривая меня снизу вверх, не спуская своих синих глаз из-под маски, и в его позе было что-то от хищника, наблюдающего за добычей.

Я вздрогнула, от одного звука его голоса, из ниоткуда, из темноты, но не так, как вздрагивала от других голосов. Просто колени подкосились, вот и всё. Ничего больше.

- Благодарю. Спокойной ночи. - тихо пискнула я и быстро направилась в нужном направлении.

Я довольно быстро нашла комнату, открыла дверь, зашла, быстро захлопнула дверь за собой, заперла замок на ключ и оставила его в скважине, на всякий случай, чтобы он не смог открыть дверь с той стороны. Я прижалась спиной к двери и понимала, как сильно бьётся сердце, в горле, в висках, в пальцах. Я прислушалась. Снизу - ни звука. А снаружи дома, где-то далеко на аллее, - ничего. Ветер, дождь, мокрая листва. Я тут, я в безопасности, за замками, за стенами, в огромном доме, окруженным мощными воротами, с парнем маске...

Дэмиен... Что он сейчас делает? И где первая секция?

Я одёрнула себя: не смей об этом думать. Не смей о нём думать как о... Не сейчас... А он, зараза, был красивый. Ладони, которые он совал в карманы джинсов. Губы, которые улыбались мне из-под фарфора. Голос, от которого у меня заворачивалось что-то в животе. И эта маска. Чёрт, какая же я глупая, невероятно глупая и жалкая. Я за три часа успела

испугаться, поплакать и почувствовать что-то, чего не чувствовала очень давно, и всё это в одном чужом доме, одного чужого человека. Какая это была странная ситуация. И почему я вдруг вспомнила его улыбку, те губы, тот взгляд. Боже, какие же красивые у него губы.

- Какого ты делаешь? — покачивая головой, спросила я сама себя шёпотом. - Иди прими душ и ляг спать.

Но я знала, что уснуть будет невозможно. Не с этим голосом в голове, не с этим запахом... Смесь старого дерева и чего-то ещё, опасного и притягательного, что осталось на моих плечах там, внизу, где он коснулся меня.

Я постояла в темноте, слушая, как затихает эхо моих шагов. Темнота была плотной, бездонной, такой, что предметы угадывались лишь по силуэтам, а за окном по стеклу текли тонкие серебристые струйки.

Я нащупала на стене выключатель. Возле кровати загорелся маленький светильник, и комната выступила из мрака - большая, высокая, с массивной кроватью и резным изголовьем, с полированным тёмным деревом, с тяжёлым покрывалом, расшитым по краю узорами. Настоящая старинная тумба, а не искусственно состаренная мебель ради красоты: тонкие изогнутые ножки, латунные ручки, следы времени на древесине. У окна - письменный стол, книги в кожаных переплётах, тёмных, как высохшая кровь. В углу - кресло в бордовом бархате и рядом столик на резной ножке.

Я провела пальцами по тумбе. Гладко, холодно, безупреч-

но.

- Господи... - сказала я в пустоту, скорее изумлённо, чем испуганно.

Всё это выглядело так, будто кто-то собрал здесь вещи из разных столетий и оставил под одной крышей. Вот только дом не был похож на место, где живут. Он был похож на музей. Слишком дорогой. Слишком тихий. И в нём жил один человек.

Один.

Я нахмурилась, и перед глазами сам собой встал Дэмиен. Высокий, гораздо выше меня, рыжие растрёпанные волосы, пряди падают на лоб. Руки с длинными пальцами, веснушки до самых предплечий. Маска. Белая, фарфоровая, с прорезями, и в ней - синие глаза, которые я запомнила слишком хорошо.

Я отодвинула портьеру. За стеклом была ночь, глухая, почти бездонная, и дождь тонкими серебристыми нитями. Далеко в саду тускло белели каменные фигуры. Ни соседних домов, ни окон, ни машин. Остров. Я никак не могла понять, как здесь можно жить одному и не сойти с ума от тишины, которая давит на уши, как вода на глубине.

И всё же он пустил меня сюда. Зачем?

Я отвернулась от окна и увидела зеркало. Овальное, в резной раме, над туалетным столиком. Я подошла. Оттуда на меня смотрела бледная, уставшая женщина с растрёпанными волосами, и я не сразу признала её своей. Я коснулась скулы

- ссадина ещё держалась на коже тёмным пятном.

И тогда я вспомнила гостиную. Там, над камином, висела большая старинная рама. Зеркала внутри не было. Только пустота, как пустая глазница.

Почему здесь зеркало есть, а там - только рама?

Я не нашла ответа. И, честно говоря, не хотела его искать в темноте, одна.

Я обернулась к двери - на секунду мне показалось, что за плечом мелькнула знакомая фигура. Никого. Только дверь. Я выдохнула с облегчением и тихо рассмеялась над собой.

- Ты начинаешь сходить с ума, Эйлин.

Ванная оказалась ещё одним ударом по нервам. Белый мрамор, старинная ванна на изящных ножках, массивные латунные краны, толстое стекло душевой перегородки, полотенца, пушистые, как облака. На полке - флаконы из тяжёлого стекла, возле раковины - серебряное блюдо для мыла. Всё чисто, как в витрине.

Зачем одному мужчине всё это?

Я включила воду и перестала думать. Разделась, встала под горячую струю и позволила ей стекать по волосам, плечам, спине. Хотелось смыть не только дорогу и усталость. Брёда. Его голос. Его руки. Память о том, как он стоял передо мной, а я уже знала, что не смогу его остановить.

Больше никогда. Не хочу просыпаться от страха, не хочу прислушиваться к шагам, не хочу ждать следующего удара. Не хочу жить так.

Я открыла глаза и вдруг подумала о том, как Дэмиен смотрел на мою ссадину. Без жалости. Только внимание. И что-то ещё, чему я не нашла названия. Я представила его пальцы на своей щеке - осторожные, тёплые, совсем не такие, как руки Брэда, - и от этой мысли внутри что-то болезненно дрогнуло. Я прогнала её. Слишком странно. Я даже не знала, почему он носит маску. Я не знала о нём ничего. И всё же его присутствие почему-то не пугало.

В спальне на кровати лежала одежда, а сверху - записка: «Надеюсь, размеры подойдут. Если нет, придётся обвинить меня в плохом вкусе. Д. У.»

Я невольно улыбнулась. Очень в его духе.

Белая рубашка оказалась мне велика: рукава закрывали запястья, край доходил почти до середины бёдер. Его рубашка. Мягкий старый хлопок охлаждал разгорячённую кожу, и я вдруг представила, как эта рубашка сидит на нём: как ткань облегает плечи, как рукава закатаны на предплечьях, обнажая веснушки, те самые длинные пальцы...

Мне стало жарко. Щёки вспыхнули, и я тряхнула головой, будто это могло вернуть меня в реальность.

Пижамные штаны я оставила лежать на кровати. Забралась под одеяло, выключила верхний свет и оставила гореть только лампу - её золотой круг едва добирался до стены, а остальная комната медленно опускалась во тьму.

Неужели это теперь моё убежище? Хотя бы на одну ночь?

Я не знала. Я ничего не знала о завтрашнем дне. Что будет

делать Дэмиен. Можно ли ему доверять. Что скрывает его маска.

И почему я засыпаю с мыслью о нём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.